

— Моя маленькая принцесса, вы что, явились сюда, чтобы свести меня в могилу?!

Ли Миньгуань перепробовал все возможные иглы, но так и не смог унять эту невыносимую боль.

Возможно, из-за того, что она с детства обучалась боевым искусствам, Су Лисюэ всегда отличалась сдержанным и замкнутым характером. Не то что эта девчонка из дома Наньгун — та обожала капризничать, и когда начинала буяннить, то одна стоила целого отряда.

Ее ясные, полные решимости глаза смотрели прямо на нее, и в этом взгляде читались одновременно и жалость, и упрек. Вид у нее был такой жалкий, такой бесконечно жалкий.

— Я не буду расторгать помолвку.

Она крепко сжала ее руки — холодные, до боли в сердце.

— Чт... что?

Умиравшая решила, что у нее начались галлюцинации.

— Я знаю, мой генерал — человек прямой и честный. Она жаждет славы, хочет, чтобы страна процветала, а народ жил в мире, чтобы мечи были перекованы на орала, а кони отпущены на волю. Она способна вынести то, что не под силу другим, и вытерпеть страдания, которые сломили бы любого... Но она ведь не из железа сделана, ей тоже нужно перевести дух. Генерал, давай я помогу тебе, а? Тебе нужна резиденция — я отдам; нужны деньги — я дам; хочешь, чтобы я стала твоим супругом — я согласна... Отныне я ни за что не позволю тебе страдать!

— Стой! Наньгун Ли, ты с ума сошла?!

— Да! Я сошла с ума! Как только увидела, что ты так сильно ранена, я уже была не в себе!

Маленькая девочка с крутым нравом, когда упрямится — готова перевернуть весь мир вверх дном. Но если она полюбит кого-то, то этот человек становится для нее всем.

— Принцесса... верит мне?

— Верю!

Копье Разбитых Душ перешло к поколению Су Лисюэ как сто тридцать первая реликвия. Оно было таким же древним, как само Великое И, и служило символом семейной славы.

Однако старый хоу говорил, что девушкам не подобает брать его в руки.

Старший брат души не чаял в сестре. Чтобы порадовать ее, он часто тайком менялся с ней местами, позволяя ей изучать технику владения копьем и посещать военный лагерь. Но юноша не собирался идти против воли отца; он думал, что как только новизна пройдет, она устанет от тягот военной службы и сама вернется к тихой жизни в поместье.

Конечно, он не планировал умирать так рано.

Но теперь, когда его не стало, армия лишилась главнокомандующего, а род Су — последнего наследника.

За границами страны тибетцы точили зубы, ждали своего часа уйгуры, а еще были Наньчжао, государство Ли, бандиты и разбойники — что ждет Армию Динбэй? Что будет с сотнями тысяч жителей Лянчжоу?

Перед смертью брат, который всю жизнь баловал сестру, не смог устоять перед ее упрямством. Однако, опасаясь, что один неверный шаг погубит вековую репутацию семьи, он поставил перед ней крайне жестокое условие: она должна была вычеркнуть свое имя из родословной, никогда больше не смела появляться в мире под именем Су Лисюэ, не могла поклоняться предкам при жизни и быть похороненной в семейной гробнице после смерти. Ни до, ни после — пустота.

Она согласилась.

Десять лет в доспехах, полжизни в кровавых сражениях — она стала символом, от которого врагов бросало в дрожь. В конце концов, стоило ей появиться с тяжелым Копьем из черного железа, как у противников подкашивались ноги.

Все говорили, что род Су порождает великих полководцев.

Однако для нее это стало лишь еще одной клеткой.

Жизнь и смерть в пустоте — самое ядовитое проклятие. Небеса справедливы: обманув столько людей, можно ли было рассчитывать на хороший конец? Ей было суждено умереть в одиночестве на этой пустынной земле, скрываясь под маской, так и не открыв никому своего настоящего лица.

Вся жизнь, дойдя до самого заката, оставила лишь безмерную горечь.

И вот, на самом краю, она встретила эту девчонку, которая так опрометчиво доверилась ей.

А ведь она такая красивая! Ее руки не знали тяжести мечей, на плечах не лежало бремя долгов, она никогда не совершала дурных поступков. Ее глаза светятся, волосы шелковистые, сама она легкая, как перышко. Под солнечными лучами на ее нежных щеках играет мягкий пушистый свет. Ее темные зрачки чисты и прозрачны, в них видно все до самого дна, она совсем не умеет защищаться. А цветы феникса в уголках глаз красны, словно капли крови — невозможно отвести взгляд. Ее нежный голос, словно кошачьи коготки, заставляет сердце трепетать.

Это сердце, открытое и искреннее, лучше всего способно утешить того, кто изранен тысячами ран.

Как ей объяснить?

Что она сама — лишь недолговечная тень. Это чистое, незапятнанное сердце не для нее.

— А-Ли... что же делать? Я ведь еще не написала письмо об отказе от брака... Я... я...

Человек, чья стать внушала трепет, разрывалась между ненавистью и тоской. Не в силах больше держаться, она безвольно повалилась в объятия девушки.

Наньгун Ли крепко подхватила ее.

— Ой!

Ван Вань и Ли Миньгуань перепугались.

Ради лечения Су Лисюэ была в одной нижней рубашке, и сквозь этот тонкий слой все стало очевидно.

Однако принцесса ничуть не удивилась:

— Кто она такая, я знала давно.

— Откуда принцесса знала?!

Ван Вань смотрела на эти озорные и хитрые глаза, не веря своим ушам.

Каким же проникательным нужно быть, чтобы обмануть родную мать, но не суметь провести эту девочку!

— Вчера, стоило ей позвать меня, я все поняла. Кроме матушки и ее, никто в этом мире не

называет меня так.

— А-Ли, ты голодна?

— А-Ли, пора причесаться.

— А-Ли, не бойся.

...

— Если принцесса давно знала, почему не спросила?

В конце концов, они старые знакомые. Если бы они могли открыться друг другу, возможно, у нее на душе было бы меньше тревог и сожалений?

— У нее такой крутой нрав, как я могла спросить? — влюбленная девушка смущенно улынулась и нежно, словно лаская, потерлась щекой о безжизненное лицо той, что была в ее руках. Так бережно, так трепетно.

Словно ждала этого всю жизнь.

— Принцесса, вы не боитесь, что это просто уловка, чтобы вызвать жалость?

— Если так, то вы добились своего.

Наньгун Ли смотрела на несчастную, лежащую без чувств в ее объятиях, и не хотела отпускать ее ни на миг.

Все присутствующие невольно прочли в этих прекрасных глазах боль, которую она не успела скрыть.

Раньше и представить было нельзя, что человек может за одно лето исхудать до костей и обтянуться одной лишь кожей.

Она повернула голову, глядя на свою возлюбленную. Лицо Лисюэ было так близко, что не охватить взглядом — лишь опущенные веки, слегка вздернутый нос да изогнутые ресницы, похожие на маленькие веера.

Она крепко сжала ее руку, думая о том, что в этой жизни ей больше ничего не нужно.

— Эй, погодите, погодите! Принцесса, староста Ван, доктор Ли, о чем вы вообще говорите?!

Бедный маленький адъютант почесал затылок, все еще не понимая, что за загадки они загадывают.

Ли Миньгуань закатил глаза и с жалостью посмотрел на глупого юношу:

— Твой генерал — Су Лисюэ, а не Су Чаофэн.

— О... А?! Он? Он-он-он — она?!

Не нужно было смотреть, чтобы понять, какой шок отразился на лице этого простодушного парня.

— Цыц! Обязательно так орать? — Ли Миньгуань был крайне недоволен. — Все равно она скоро умрет, какая теперь разница?

Внезапно сердце Наньгун Ли дрогнуло, и она еще крепче прижала к себе человека:

— Что ты сказал?!

— Она отравлена, это дело рук девчонки Юэ Ниншуан. — Бессердечный доктор вытащил иглы и сел в стороне, окончательно сдавшись. — Принцесса, в Армии Динбэй скоро произойдут большие перемены, генерал просила вас вернуться в город Сюаньхоу.

— Я не уйду.

— Принцесса, если это ее последнее желание, разве не стоит отнестись к нему серьезнее?

Восемнадцатилетняя девушка еще не выросла, она оставалась маленькой девочкой, которая носит титул принцессы, но все еще не знает меры.

— Неужели совсем нет надежды?

— Принцесса, яд Аптечного павильона Южного края не имеет противоядия в мире. Мы сделали все, что могли, и она тоже боролась изо всех сил. — Ван Вань присела рядом, тихо утешая, и кивнула на Ли Миньгуаня. — Если бы не этот шарлатан, она бы и года не продержалась.

— Эй, почему это я шарлатан?! — Ли Миньгуань уперся руками в бока, протестуя. — Легкие — орган нежный, их всегда трудно лечить. В Каноне Желтого Императора сказано: холод

снаружи и внутри поражает легкие. Живя в такой холодной глуши и при этом предпочитая холодное вино — неудивительно, что она так тяжело заболела! А тут еще яд, раны... разве можно так испытывать врача?!

В комнате горел обогрев, было тепло, но тело человека в ее руках все еще оставалось пугающе холодным. Маленькая принцесса закусила алые губы, словно приняв решение:

— Она не умрет, и в Армии Динбэй не будет никаких перемен.

— Принцесса, вы что, выросли в мире фантазий?!

Врачам всегда горько признавать поражение, особенно когда больше всего сил вкладываешь именно в того, кого не удастся спасти.

Но ни один врач не сдастся до самого последнего момента.

Этот мир ужасен: в нем нет справедливости, люди лишены человечности, и даже если ты обладаешь великим мастерством, многие вещи остаются недостижимыми, а многих людей не удержать.

Но она ведь всего лишь маленькая девочка, чистая и непорочная. Как ей рассказать обо всем зле, несправедливости, жестокости и бессилии, которые существуют в этом мире?

Наньгун Ли больше не стала спорить с ним. Она положила ладонь на затихшее сердце и медленно прошептала на ухо той, что была без сознания:

— Потерпи, будет немного горячо.

Ее голос был легким и мягким, словно утренний шепот птиц в листве.

— Угх!

Внезапно странная теплая волна хлынула через ладонь в сердце. Лежащая на кровати содрогнулась от боли, едва не теряя сознание.

— Генерал!

— Принцесса!

Ван Вань, Ли Миньгуань и Тан Юнь попытались броситься на помощь.

— Стоять, не мешайте!

Юбка из шелка цвета снега взметнулась вверх. Остывший очаг неподалеку вспыхнул, и пламя взметнулось до самого потолка, преграждая им путь. На ее детском, но прекрасном лице отразилось древнее сострадание, смешанное с необъяснимой торжественностью.

— О боги! Что это за колдовство?!

Тан Юнь был в ужасе, глядя на странную девушку.

— Это пламя... Южное Пламя Отрешения!

Ван Вань присмотрелась: огонь был не обычного красно-желтого цвета, а ярко-белого, более жгучего — загадочного, ослепительного и агрессивного, в точности как те яркие глаза.

Наньгун Ли неотрывно следила за малейшими изменениями в выражении лица той, что была у нее на руках:

— У нее истощено сердце и добавился яд. Я направлю пламя по всему ее телу, чтобы выжечь остатки отравы и пробить жизненный канал к сердцу, даровав ей шанс на выживание.

Юг — место жаркое, там правит стихия огня. Южное Пламя Отрешения — самое сильное и чистое начало в мире, нет ничего более жизненного, чем оно. Оно способно сжечь миазмы на тысячи ли, так что справиться с ядом для него — пустяк.

Но разве это пламя не должно было существовать только в легендах?

Дыхание лежащей на кровати становилось все более прерывистым, она явно испытывала невыносимые страдания. Ее глаза бешено дрожали, сознание было на грани безумия — Боль... мне больно... не надо, не надо! Угх!

Из-под побледневших губ вырвался стон, полный невыносимой тоски. Наньгун Ли прижала ее к себе, глядя на страдающего человека, и ее сердце дрожало от жалости, словно кошка скребла:

— Безумная... отравлена так сильно, а еще и злишься... почему у тебя такой тяжелый характер?

Все те ссоры были напрасны.

Отныне ей суждено идти лишь в ад.

Вскоре ослепительное белое сияние начало угасать, и человек на кушетке постепенно обмяк, снова погружаясь в беспамятство.

Ли Миньгуань коснулся пульса — он, еще недавно бывший подобным стоячей воде, чудом стал едва заметно биться:

— Чудо, просто чудо! Принцесса, если вы обладали таким даром, почему раньше молчали?! Я мучился больше года, думая, что надежды нет!

Наньгун Ли осторожно уложила ее на кровать:

— Все эти годы она жила лишь пустой оболочкой. Доктор Ли, вы молодец. Ваше искусство способно сравниться со святыми.

— Принцесса слишком добра ко мне, мое искусство лишь малая часть того, что можно сделать.

— Теперь, когда вы узнали мой секрет, вы собираетесь меня схватить? — она опустила глаза, в голосе послышалась печаль.

Чтобы спасти ее, тайну Души Алого Феникса больше невозможно было скрывать.

Но она не жалела.

— О! Схватить, схватить...

Тан Юнь тут же потянулся к поясу в поисках веревки.

Древний великий зверь, охраняющий границы, был не менее грозен, чем великий генерал.

Но в конце концов, она — чудовище, и нельзя позволить ей свободно разгуливать по миру.

Ван Вань закатила глаза и отвесила ему звонкую пощечину по затылку:

— Кого схватить? Это твоя невестка!

— ...А?!

Невестка?

Разве генерал не женщина?

Разве принцесса не чудовище?!

Столкнувшись с такой новой и сложной ситуацией, молодой адъютант на мгновение растерялся.

— Сестренка, ты не боишься меня?

— Чего бояться? Мир огромен, чего в нем только нет. Ну Душа Алого Феникса, ну Южное Пламя Отрешения, что с того? Сказители говорили, что в древние времена боги, люди и демоны были едины. Если представится случай, я бы и сама хотела взглянуть на небо — расширить кругозор!

Тан Юнь тоже пришел в себя:

— Верно, верно, не боимся. Принцесса, честно говоря, генерал живой — это главное... Если она умрет, будет гораздо страшнее.

— Но, принцесса, мой дом деревянный. Вы посмотрите на этот огонь... можно его как-то потушить?

Ли Миньгуань с опаской поглядывал на остатки пламени, не решаясь подойти.

— Ах, сейчас потушу.

Наньгун Ли спрыгнула с кровати и, хлопая в ладоши, погасила все маленькие белые огоньки. Повернувшись, она сказала:

— Сестрица Ван, сможешь ли ты завтра утром отправиться со мной в одно место?

Утро, резиденция губернатора Лянчжоу.

Весь вчерашний день судебные эксперты были в тупике из-за останков Вэньчан-хоу. Сегодня с самого утра губернатор Сунь был в еще большем тупике из-за жалобы, поданной его младшей сестрой:

— Сяо Цзинь, если все так, как ты говоришь, и хоу убит принцессой, то нужно подавать прошение императору. Как я, чиновник второго ранга, могу в это вмешиваться?

— Мне все равно! Ты мой брат, и этот брак устроил ты. Теперь я вдова, к кому мне идти, как не

к тебе?!

Сунь Цзинь заливалась слезами, требуя своего.

— Ха! Выходит, ты плачешь о том, что стала вдовой и осталась без опоры, а не из-за смерти хоу? — губернатор смерил сестру взглядом.

— Я... я обо всем плачу!

Сунь Цзинь, чьи мысли были раскрыты, начала запинаясь оправдываться.

<http://bllate.org/book/20009/1974218>